

УДК [(159.922.4:347.787.5)(571.64)](=552)

Панкова С.Ю.

Опыт разработки инструментария анализа этнической ментальности (на примере исследования декоративно-прикладного искусства коренных народов Сахалинской области)

Панкова Светлана Юрьевна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и специальной педагогики ГБОУ ДПО «Институт развития образования Сахалинской области» (Южно-Сахалинск)

E-mail: s_pankova@inbox.ru

В качестве методической и методологической основы анализа ментальности народов о. Сахалин предложен этнофункциональный подход и его базовое понятие – этносреда, изменение которой рассматривается в качестве ведущего фактора трансформации декоративно-прикладного искусства коренных народов Сахалина.

Ключевые слова: ментальность, этносреда, остров Сахалин, нивхи, уйльта, фольклор, декоративно-прикладное искусство.

Характерной чертой этнического состава Сахалина является сосуществование на островах представителей различных, как коренных, так и пришлых, народов. Коренными народами Сахалина могут быть названы айны, нивхи и уйльта, чьи предки появились на острове за многие сотни лет до японцев и русских. На момент прихода на остров русских и японцев здесь постоянно проживали представители нескольких коренных народов, не только относящихся к разным языковым семьям, но и являющихся носителями различных хозяйственных и культурных традиций¹. Именно это разнообразие сделало Сахалин столь интересным для исследователей. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Сахалина проживает 2791 представитель коренных народов (2450 нивхов и 341 уйльта). Свыше 80% нивхов и уйльта постоянно проживают на территории шести административных районов Сахалинской области, утвержденных в качестве особых районов проживания малочисленных народов Севера.

Огромную роль в этнической истории Сахалина сыграли пришлые народы – русские и др. народы, населявшие Российскую империю и СССР, а также японцы и корейцы, – с чем связано нарастание цивилизационных процессов, разрушающих этническую ментальность². Частый переход территории из рук в руки сопровождался массовыми депортациями и переселениями, в результате которых этнодемографическая обстановка на островах неоднократно менялась кардинальным образом, однако население Сахалина всегда оставалось полиэтничным. Между тем уже со второй половины XIX в. пришлое население начало численно доминировать над коренным, а в XX в. Сахалин пережил несколько крупных миграционных волн, что оказало решающее воздействие на демографическую и этнокультурную ситуацию.

Действительно, с древних времен главными занятиями коренных народов Сахалина были рыбная ловля, морской зверобойный промысел, охота и собирательство – у нивхов, оленеводство, рыбная ловля, морской зверобойный промысел, охота и собирательство у уйльта. В условиях же, создававшихся на Сахалине на протяжении XX в., сохранение традиционных промыслов (хозяйств) оказалось под угрозой исчезновения, особенно к концу столетия, когда в ходе реформ значительная часть родовых хозяйств прекратила свое существование, а сохранившиеся находятся на грани разорения.

Экономическая и градостроительная политика, проводившаяся на Сахалине на протяжении XX в., привела к существенным изменениям в обычаях и нравах коренного населения. Разрушение среды обитания и традиционного образа жизни, включение коренных народов в несвойственный им образ жизни, массовый переход на русский язык как основное средство межэтнического и внутриэтнического общения привели к стремительной утрате нивхами и уйльта этнического своеобразия, структуры *ментальности* данных народов – а именно совокупности устойчивых категорий, среди которых ведущую регулирующую роль играет образная сфера³ личности и типические представления общества, относящиеся к прошлому, настоящему или будущему⁴. Вместе с разрушением ментальности коренных народов, их мифологии, культурных традиций, а также экологии вмещающего ландшафта нарастали сопутствующие негативные явления и в повседневной жизни – алкоголизация населения, рост преступности и т.д.

¹ История Дальнего Востока СССР: В 4 т. Т. 2. Кн. 3: Дальний Восток в составе феодальной России. XVII в.: (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней) / Ред. А.И. Крушанов. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВНЦ АН СССР, 1976. 223 с.

² Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008, С. 41.

³ Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Институт психологии РАН, 2008; Он же. Образная сфера человека. М.: ИП РАН, 1992.

⁴ Сухарев А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психол. журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 118–127.

В этой связи для сохранения этнической ментальности как основы существования коренных народов важным представляется исследование глубинной мифологической структуры ментальности народов, которая определяет поведение человека и общества в целом, но, вследствие цивилизационных процессов, разрушается в первую очередь.

Методологически проблематика, которой посвящена настоящая статья, лежит в широкой междисциплинарной области – психологии, культурологии, этнологии, фольклористике, – которую можно отнести к внепсихологическому уровню междисциплинарных исследований¹. Для исследования структуры и динамики ментальности коренных народов мы опирались на этнофункциональный подход к анализу ментальности личности и общества в поликультурной среде² и на базовое понятие данного подхода – «этносреды». В целом этносреда, в которую погружен субъект (но не личность), характеризуется целым рядом параметров и связана с различными проблемными областями в психологической науке: 1) трансцендентными (духовными – Бог, духи природных стихий и пр.); 2) социокультурными; 3) природно-ландшафтными (климат, ландшафт, флора и фауна; 4) антропо-биологическими. Этносреда в идеале представлена субъекту как система образов этносреды, а в реальности – как комплекс образов. Представления этносреды находят свое отражение в образах народной культуры и искусства.

Мифологический компонент ментальности коренится именно в трансцендентной составляющей этносреды – анимистических представлениях о духах, природных стихий и явлений, духах предков и пр. При этом, наряду с представлениями о духовных сущностях, целостная специфика ментальности этноса включает также преломление трансцендентных представлений в искусстве – изображение природы, людей, общественных отношений, что и составляет целостное представление об этносреде. Искажение ментальности инициируется с искажения или нивелирования трансцендентных представлений. Образы народной культуры при отсутствии соответствующих трансцендентных связей мы рассматриваем как ущербные, оторванные от своих духовных корней. Такой «разрыв» и обуславливает стирание в коллективной памяти тех или иных элементов народного искусства, фольклора. В связи со сказанным выше, *целью* настоящей статьи является разработка инструментария для анализа развития этнической ментальности. Рассмотрим некоторые прикладные аспекты проблемы динамики этнической ментальности коренных народов острова Сахалин.

В исследовании А.Е. Меняшева (2005) показано, что декоративно-прикладное творчество относительно однородных (персистентных) этносов (например, нивхов), отличается от творчества менее однородных (динамических) этносов (например, русских, включающих большее количество этнодифференцирующих³ элементов), что в нем мифологическое выражено в большей степени, по следующим причинам.

1. Декоративно-прикладное творчество нивхов, прежде всего, связано с их повседневной жизнью, конкретными запросами и потребностями, оно не существует как самоцель, напротив, у динамических этносов творчество может иметь место в качестве самовыражения.

2. Декоративно-прикладное творчество нивхов почти не несет эстетической функции, в отличие от творчества динамических этносов⁴.

3. Отсутствие собственной письменности в значительной мере способствовало развитию орнаментального искусства: орнамент в известной степени замещал отсутствие письменности (согласно нивхской легенде, письменность у нивхов украли; только в начале XX в. отечественные лингвисты предложили для нивхов алфавит, и был выпущен первый нивхско-русский словарь). В какой-то степени до определенного времени орнамент выступал в роли знаковой системы, не став, однако, таковой в полном ее значении⁵.

В орнаментальном творчестве зафиксированы архетипические образы, несущие глубинную смысловую нагрузку: они отражают смысл культуры в целом, ее генезис. В мифах и сказках нивхского народа повествуется о создании мира, о появлении в нем первых людей. В орнаменте и религиозно-бытовой скульптуре можно наблюдать те же явления и сюжеты, отраженные в фольклоре.

Орнаментальное творчество коренных народов о. Сахалин является полифункциональным. Орнамент может выступать как прием максимального обобщения действительности: с помощью него происходит кодирование информации о культуре этноса в целом. Орнаментальное творчество отражает элементы культуры: историю народа, систему национального экономического хозяйствования, ценности, национальные идеалы, традиции народа. Можно предположить, что при благоприятном развитии этноса орнаментальные формы получили бы свое новое наполнение за счет появления в нем явлений действительности ранее не включенных в них. Тогда можно было бы говорить об усложнении орнаментальных форм в целом и их прогрессивном характере развития.

Еще одной функцией национального декоративно-прикладного творчества является использование его продуктов как средства взаимодействия с «тонким» миром (миром духов)⁶. Так, в орнаменте у коренных народов о. Сахалин строгое функциональное предназначение самих видов орнаментальных элементов и композиций только в последнюю очередь является средством удовлетворения эстетических потребностей – так различаются мужской и женский орнамент, который наносят на оружие и ритуальные предметы. Касаясь последних, можно говорить об определенной направленности и смысловой нагрузке орнаментальных элементов, нанесенных на данные предметы – взаимодействие с несколькими природными стихиями: водой, огнем, воздухом и землей. Функцию воздействия на тонкий мир со стороны человека непосредственно отражает религиозно-бытовая скульптура, ритуальная посуда для приготовления пищи, ритуальное оружие, строения, воздвигаемые для проведения определенных обрядов. Отмеченные нами функции декоративно-прикладного творчества свидетельствуют о его мифологическом характере.

Необходимо отметить факт сильного изменения форм декоративно-прикладного творчества в силу исторических

¹ Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психол. журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.

² Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: ИП РАН, 2008.

³ Там же.

⁴ Меняшев А.Е. Мифологическое в структуре сознания персистентных этносов о. Сахалин // Философские чтения: Материалы межвузовской научно-практической конференции / Сост. С.С. Простяков. Вып. 4. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2004. С. 40–46.

⁵ Меняшев А.Е. Мифологическое в структуре этнического сознания коренных народов о. Сахалин: Дисс. ... к. психол. н. Хабаровск, 2005.

⁶ Филимонов А.Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Хабаровск, 2002.

причин, а также влияния на него этнодифференцирующей европейской культуры. В силу объективных причин способы и приемы, когда-то применявшиеся в декоративно-прикладном творчестве, исчезают, становится беднее его сюжетное наполнение. Это выражается в упрощении и нивелировании орнаментальной культуры, постепенным исчезновением из обихода религиозно-бытовых ритуальных предметов, что отражает, по-нашему мнению, процесс демифологизации этнической ментальности.

Нивхский мужской халат. Рыбья кожа, аппликация. Конец XIX в. Музей Востока, Москва

Бумажный шаблон для нанесения орнамента на одежду (наверху) и орнамент на охотничьей сумке из рыбьей кожи (внизу). Начало XX в.

Нивхские орнаменты в резьбе по дереву (наверху) и на металлических изделиях (внизу). Начало XX в. Историко-этнографический музей. Ноглики, Сахалин.

Образцы декоративно-прикладного творчества нивхов конца XX в. Фото автора

Образцы декоративно-прикладного творчества нивхов начала XXI в. Фото автора

Говоря о характерных чертах современного творческого подхода нивхов к художественной обработке меха, кожи, дерева, текстильных материалов, можно отметить постепенную утрату архаичной системы мифологических представлений коренных народов, снижение художественности произведений декоративно-прикладного искусства и др. Это проявляется в изменении «орнаментального мышления» и в снижении уровня социально-психологической мотивации к занятиям традиционными эстетическими практиками. Коллективная память нивхов еще сохраняет основную этнический знаковый принцип – спираль, как базу орнаментального строя. Тем не менее, утрачивается сложность композиционных построений, их глубинная смысловая нагрузка. Сходным образом, например, современная эвенкийская орнаментика также лишь фрагментарно опирается на чувство ритма (чередование бусинок по цвету), утрачивая целостность национальной геометрической системы узоров, виртуозность техники меховой мозаики и таких декоративных швов, как вышивка подшейным ворсом оленя и продержки ровдужных ремешков.

В произведениях нивхского декоративно-прикладного искусства, выполненных на основе текстильных материалов, все чаще можно наблюдать явления колористических дисгармоний и применение нетрадиционных форм декора, использование которых не способствует сохранению самобытности, а разрушает их этническую чистоту. Технический диапазон нивхских декоративных швов, насчитывавший в начале двадцатого века около 40 разновидностей, сегодня на практике сократился до двух. Характерной особенностью современного состояния резьбы по дереву у нивхов является снижение уровня сложности орнаментальных композиций и качества технологической обработки древесины. Современных предметов, украшенных сложнопрофилированной и ажурной резьбой, в настоящее время уже не встречается. Отмеченные изменения во всех сферах культуры нивхов и других коренных народов о. Сахалин находят свое отражение в смене их мировоззрения, а именно, в мифологическом компоненте этнической ментальности.

Мифологический компонент ментальности у современных коренных народов о. Сахалин уже не является преобладающим – он, как и в целом картина мира этих народов, подвергся сильному изменению, в последние полтора столетия в период активного освоения о. Сахалин русскими и японцами. В настоящее время наблюдается своего рода «наложение» на первоначальную (мифологическую) картину мира картины рациональной, научной, технократической. В связи с изменением (искажением) первоначальной картины мира в структуре ментальности нивхов, возникает также проблема валидности результатов применения исследовательских психологических методик: при отборе группы испытуемых следует в первую очередь ориентироваться на носителей не только национального языка, но и родной культуры в целом. Сейчас таких этнофоров среди коренных народов Сахалина по объективным причинам становится все меньше.

Анализ нивхского декоративно-прикладного искусства выявил не только внешние изменения в художественном творчестве. Зафиксированные внешние особенности декоративно-прикладного искусства на современном этапе его развития отражают также изменения в ментальности нивхов.

В качестве основной ментальной характеристики в психологическом анализе декоративно-прикладного искусства нивхов мы выделяем *голографичность*. Она характеризует ментальные представления как зрительную модальность данных вторичных образов. К вторичным образам, как известно, в отличие от перцептивных, относятся образы памяти, воображения, галлюцинаций, сновидений. При этом ведущей, определяющей поведение человека модальностью образа, является зрительная¹. Именно поэтому в качестве характеристики, определяющей динамику развития ментальности, нами была выбрана голографичность ментальных представлений, которую мы понимаем как целостное отображение этносреды, базирующееся на трансцендентных (мифологических) представлениях и включающее развернутое представление культуры, природы, быта, людей и пр. В отношении орнамента, в частности, важно умение видеть явление

¹ Гостев А.А. Психология вторичного образа.

полностью, цельным, с последующей детализацией, так как только на основе голографичности можно создать такое предельно точное и емкое изображение, каковым является сам орнамент. Голографичность (объемность) является существенным свойством мифологического сознания и свидетельствует о гармоничном и сбалансированном включении в ментальность архетипического мифологического компонента, проявляющегося в наличии мифологического содержания, зафиксированного в легендах, сказках, образах декоративно-прикладного искусства.

Голографичность восприятия этносреды свидетельствует о сохранении смысловой нагрузки в содержании декоративно-прикладного творчества. Наличие голографической объемности в образах искусства является также признаком определенного психологического сопротивления влиянию современных цивилизационных процессов.

Голографичность этнической ментальности может описываться определенными вторичными характеристиками.

Во-первых, это *чистота мифологического восприятия*. Она характеризуется непосредственным соприкосновением ментальности с духовным (трансцендентным) миром и миром вещей. Мифологическое восприятие отражает духовную суть явлений без их детализации и анализа. Об искажении данной характеристики свидетельствует, в частности, отсутствие графической расшифровки орнамента и трансцендентного смысла, а также недостаточная детализация отдельных композиционно значимых элементов орнамента – изображений растений, рыб, птиц, животных. При том, что орнамент выступает как средство творческого обобщения действительности, мастер не указывает все частности изображаемого предмета.

Во-вторых, можно выделить *гармоничность* голографического восприятия этнической ментальности. Данная характеристика означает наличие непосредственной и непротиворечивой связи друг с другом тех значений и смыслов, которые его наполняют. Показателем утраты данного свойства ментальности можно считать явления дисгармоничности, упрощения и нивелирования орнаментальных форм.

* * *

Психологический анализ произведений декоративно-прикладного искусства показывает, что в искусстве коренных народов Сахалина орнамента и скульптурные изображения постепенно утрачивают свою голографичность, глубинную смысловую нагрузку. Народные мастера все чаще не знают, какой смысл несут их изделия, или говорят об этом неопределенно, ссылаясь на то, что так делали предыдущие поколения, и они просто повторяют их работы, не задумываясь над смыслом своего творчества. В этом проявляется также нарушение принципа национального декоративно-прикладного искусства, а именно: каждый орнамент имеет внутреннюю связь с той вещью, на которой он изображен. Нарушение данного принципа свидетельствует о разрушении традиций и вместе с тем утрате архетипичности содержания произведений искусства, т.е. выпадении мифологического компонента этнической ментальности. Представленные выше характеристики этнической ментальности (на примере ментальности коренных народов о. Сахалин), а именно, голографичность, её чистота и гармоничность, мы полагаем, могут быть использованы в качестве инструментов анализа развития ментальности коренных народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008.
2. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: ИП РАН, 2008.
3. Гостев А.А. Образная сфера человека. М.: ИП РАН, 1992.
4. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
5. История Дальнего Востока СССР: В 4 т. Т. 2. Кн. 3: Дальний Восток в составе феодальной России. XVII в. (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней) / Ред. А.И. Крушанов; Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВНЦ АН СССР, 1976.
6. Меняшев А.Е. Мифологическое в структуре сознания персистентных этносов о. Сахалин // Философские чтения: Материалы межвузовской научно-практ. конф. / Сост. С.С. Простяков. Вып. 4. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2004. С. 40–46.
7. Меняшев А.Е. Мифологическое в структуре этнического сознания коренных народов о. Сахалин. Дисс. ... к. психол. н. Хабаровск, 2005.
8. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: ИП РАН, 2008.
9. Сухарев А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 118–127.
10. Филимонов А.Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Хабаровск, 2002.
11. Black L. "The Nivkh (Gilyak) of Sakhalin and the Lower Amur." *Arctic Anthropology* X.1 (1973): 1–110.
12. Fortescue M. "The Relationship of Nivkh to Chukotko-Kamchatkan Revisited." *Lingua* 121.8 (2011): 1359–1376.
13. Graybill J.K. "Places and Identities On Sakhalin Island: Situating the Emerging Movements for 'Sustainable Sakhalin'." *Environmental Justice and Sustainability in the Former Soviet Union*. Eds. J. Agyeman and Y. Ogneva-Himmelberger. Cambridge, MA: MIT Press, 2009, pp. 71–96.
14. Miranda J., Bernal G., Lau A., Kohn L., Hwang W.C., LaFromboise T. "State of the Science on Psychosocial Interventions for Ethnic Minorities." *Annu. Rev. Clin. Psychol.* 1 (2005): 113–142.
15. Pevnov A.M. "On Some Features of Nivkh and Uilta (In Connection with Prospects of Russian-Japanese Collaboration)." *サハリンの言語世界: 北大文学研究科公開シンポジウム報告書 [Linguistic World of Sakhalin: Proceedings of the Symposium, 6 Sept. 2008]*. Hokkaido: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2009, pp. 113–125.
16. Saveliev I.R. "Chapter 2. Borders, Borderlands and Migration in Sakhalin and the Priamur Region." *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border: Karafuto/Sakhalin*. Eds. S. Paichadze, and P.A. Seaton. London: Routledge, 2015, pp. 42–60.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Панкова, С. Ю. Опыт разработки инструментария анализа этнической ментальности (на примере исследования декоративно-прикладного искусства коренных народов Сахалинской области) / С.Ю. Панкова // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 289—293. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st1_2-19_20.2015.86.